

УДК 1(091)

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОЛОГИИ КЕМБРИДЖСКОЙ ШКОЛЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Д.Э. Кадыров

ФГБУН Институт философии РАН, г. Москва

В статье автор пытается описать возможности Кембриджской школы интеллектуальной истории в исследовании роли языка в социальных изменениях, а также раскрыть ценность подхода школы для отечественного социально-философского знания. Рассматриваются основные подходы основоположников Кембриджской школы – прежде всего Квентина Скиннера, а также возможность «адаптации» их методологии к отечественным исследованиям в области истории социально-философского познания, в частности – истории политических идей в России.

***Ключевые слова:** история социально-философского знания, язык, социальная философия, социальные изменения, Кембриджская школа.*

Кембриджская школа интеллектуальной истории, или, как ее также часто называют, Кембриджская школа истории политической мысли представляет собой научное движение, которое объединяет широкий круг исследователей – прежде всего это основоположники школы Джон Покок, Квентин Скиннер и Джон Данн – и имеет непосредственное отношение к Кембриджскому университету (Великобритания), потому что многие из представителей школы занимали или продолжают занимать в этом университете должности. Основоположники школы – особенно Покок и в меньшей степени Скиннер – рассматривают конкретные речевые акты и индивидуальные намерения автора (политического мыслителя) и пытаются отслеживать политические языки и их развитие в течение длительного периода времени и через различные культуры.

Скиннер довольно давно озадачился вопросом о том, чтобы понимать тексты (высказывания) как действия. Еще в 1969 г. Скиннер критиковал интерпретации, пренебрегающие проверкой того, могли ли рассматриваемые авторы иметь в виду то, что они утверждают, и тем самым поставил в центр методологии чтения текстов вопрос о намерениях автора [13, р. 26]. Эту позицию Скиннер обозначил в своей ранней статье «Значение и понимание в истории идей» (см.: [9]), представляющей собой один из манифестов движения. В ней мы обнаруживаем центральный тезис, к которому ученый будет постоянно возвращаться в дальнейшем: не следует, читая автора, рассматривать только то, что им сказано, но прежде всего нужно извлекать то, что автор имел в виду, говоря то, что он сказал.

Это утверждение лежит в основе скиннерского контекстуализма и обусловлено двумя традициями, оказавшими огромное влияние на

развитие его герменевтического метода: витгенштейновской философией языка и философией языка Джона Остина, с одной стороны, и британским идеализмом и особенно некоторыми принципами философии истории Р.Г. Коллингвуда – с другой [15, р. 7]. Этим отношением к «естественным языкам» отличается подход Скиннера от исследований Покока и Данна. Холли Гамильтон-Бликли в своей статье под названием «Лингвистическая философия и “Истоки”» подробно рассматривает лингвистическую методологию Скиннера и влияние на нее работ Коллингвуда, Людвига Витгенштейна и Остина (см.: [14]). Под «Истоками» в данном случае подразумевается классический труд Скиннера, который автор и предлагает рассмотреть (см.: [11]).

Скиннер придерживается мнения, что языки имеют два измерения. Первое – значение самих слов и высказываний в текстах, интерпретация которых является традиционной темой герменевтики. Однако Скиннер в витгенштейновском духе призывает сфокусироваться на втором измерении языка как вида социального взаимодействия, то есть исследовать не значение слов, а их употребление – что и с каким намерением делает автор высказываний (см.: [14, р. 7]). Иными словами, мы должны задаться вопросом: что на самом деле хотел сказать автор? Благодаря второму измерению языка мы исследуем метафоры, скрытые смыслы, символы и как таковые намерения автора. Все это необходимо извлечь из текста при помощи техники «распаковывания» понятий, которую предлагает Скиннер. Действительно ли нам необходимо это делать и на самом ли деле тексты содержат нечто очень важное, упускаемое из виду?

На протяжении истории не без влияния «великих текстов», составивших канон интеллектуальной истории, меняются различные системы мысли и культура западного общества вообще. Поскольку в истории речь идет не о воспроизводстве постоянных идей и обсуждении «вечных» тем, а об обращении к «одной» теме, то неверная интерпретация вне исторического контекста как современниками, так и последующими авторами способна создать целые структурные напластования смыслов. Говоря о таких вечных темах, «вечных проблемах» в философии и о преемственности в «постоянном обращении к некоторым ключевым понятиям и доводам», Скиннер отмечает, что «подчеркивать эту преемственность не то же самое, что констатировать ее “вечную” актуальность» [10, с. 328].

Скиннер не согласен с мнением, будто «авторы – всего лишь “узники дискурса, в рамках которого они берут в руки перо”». И далее: «Конечно, я согласен, что в процессе коммуникации все мы ограничены определенным набором понятий. Но не менее справедливо и то, что язык не только ограничивает, но и расширяет наши возможности. Это значит, что если мы хотим отдать должное ситуациям, когда ставится под сомнение некое условие или эффектно опровергается общепринятое утверждение, то не можем просто распрощаться с категорией автора. Это еще более существенно, если мы вспомним, что наша социальная

действительность определяется нашими понятиями и любое успешное изменение в использовании понятия одновременно становится изменением и в окружающей нас социальной реальности. Перо, как отмечает Талли, может стать серьезным оружием» [10, с. 319.].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что язык авторов и то, правильно он интерпретирован или нет, влияет на социальные изменения в обществе. Поэтому, сосредоточив внимание на анализе различных высказываний, в которых используются традиционные для интеллектуальной истории понятия (имеющие разный смысл в разных контекстах), мы сможем лучше понять и роль языка в социальных изменениях, и саму специфику истории социально-философского знания. В этом плане подход Скиннера к языкам имеет особую ценность для социальной и политической философии, для проблем истории социального познания.

Однако такая позиция должна быть дополнена идеями других основоположников Кембриджской школы. Так, еще одним ярким представителем школы является историк Джон Покок, чья работа под названием «Древняя Конституция и феодальное право» сильно повлияла на Квентина Скиннера. Методологический подход Покока включает в себя анализ политического языка той или иной эпохи. Ключом к историческому анализу Покока является концепция политических языков (дискурсов или «идиом») [3]. На основании такого анализа, считает историк, можно определить группы дискурсов и некоторые тенденции в развитии политической мысли. Именно с такой установкой Покок исследовал главных героев социальной философии и политической теории Нового времени, таких, как Джеймс Харрингтон, Томас Гоббс и Джон Локк.

Историки Кембриджской школы подчеркивали, что мыслители не только теоретизировали, но и совершали собственное речевое действие в том контексте, в каком они находились. И потому внимание историка обращается на то, что писатели делают, написав то, что они написали, и сказав то, что они сказали. Этот момент имеет фундаментальное значение для проекта интеллектуальной истории, развиваемого Кембриджской школой.

Итак, как мы отметили, изменение языка и ключевых социально-политических понятий одновременно становится изменением и в окружающей нас социальной реальности. Эти изменения могут носить различный характер. Они могут протекать спонтанно, а могут иметь, возможно, даже неосознанный характер или же осуществляться целенаправленно, в том числе и как осознанная манипуляция социально-политическим языком в угоду завуалированным интересам, что может стать серьезным препятствием для исторического познания. В этом контексте необходимость анализа авторских высказываний обусловлена тем, что, по мнению некоторых исследователей, такие манипулятивные устремления имеют опасность вырасти, к примеру, в политический экс-

тремизм, апеллирующий к «универсальным» ценностям и приукрашивающий собственные интересы «общедоступным» языком (см.: [12]).

Однако можем ли мы выявить эти намерения и определить, какое влияние оказывает язык/дискурс на социальные изменения? По мнению Скиннера, «грубое упрощение – полагать, что наша социальная действительность состоит из прозрачных объектов и состояний, которые можно надеяться изложить с помощью правильно выстроенной знаковой системы таким образом, что любому здравомыслящему наблюдателю станет ясно, что происходит» [10, с. 279–280]. Одна из главных заслуг Скиннера заключалась «во всестороннем освещении современной политической мысли и попытках понимания разных авторов в контексте их работы» [6, с. 277]. В то же время подобные попытки затрудняются тем, что, по мнению Скиннера, «понимание сформулированных в прошлом утверждений, очевидно, ставит особого рода проблемы и может привести к нетипичным выводам, особенно в том, что касается условий изменения языка» [9, с. 111].

Исходя из этого можно задаться вопросом: каким образом подобный анализ современной политической мысли позволил бы нам перейти к исследованию ее специфики в отдельных странах в разные исторические периоды?

Замечание Скиннера указывает на сложность интерпретации авторских высказываний с применением методологии Кембриджской школы, что затрудняет ее адаптацию к конкретным локальным случаям и историческим эпохам. В частности, это касается и истории политических языков России, учитывая то, что научный язык школы является достаточно новым и непривычным для российского читателя «из-за его отчетливой ориентации на традицию англосаксонской аналитической философии середины XX века» [2, с. 26].

Однако стоит ли вообще перед нами такая задача – применять данную методологию? Будет полезным отметить, что «задача историков политического языка в России никак не может сводиться к попыткам механически идентифицировать в текстах, написанных на русском языке, ту же повестку, которая волновала английских, французских или немецких интеллектуалов, или найти набор российских ответов на серию западноевропейских вопросов; ключевые вопросы и наиболее влиятельные языки отечественной политической философии и интеллектуальной истории в целом, конечно, могут быть предметом самостоятельного изучения и поиска. Речь идет об истолковании целой серии трансформаций, которые претерпевают европейские понятия при переносе в другой политический контекст, и об анализе оригинальных отечественных политических языков. В этом смысле мы можем попробовать сформулировать основные элементы междисциплинарного подхода к исследованию истории политической философии в России, основанного на достижениях Кембриджской школы» [2, с. 38].

По мнению отечественных ученых Атнашева и Велижева, эта попытка может быть обоснована тем, что идентификация основных идиом

российской социальной философии становится «первой исследовательской задачей, которая требует тщательного предварительного изучения цепочки локальных полемик» [2, с. 39]. Несмотря на подобные замечания и вышеуказанные затруднения в применении метода Кембриджской школы в России, очень важным событием для отечественной гуманитарной науки стал выход сборника под названием «Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории» [1] под редакцией Тимура Атнашева и Михаила Велижева. Книга знакомит отечественную гуманитарную и социальную науку с методологией школы, с ее историей и критикой. Именно попытка продемонстрировать методологическую и практическую актуальность Кембриджской школы в России является ключевой целью этого сборника. Ранее Атнашев и Велижев уже довольно подробно описывали подход и методологию школы в нескольких публикациях (см.: [3]). Здесь же они идут дальше. В указанном сборнике, в частности, содержится целый раздел, посвященный истории политических языков в России, представленный шестью обширными статьями, в том числе и за авторством Атнашева и Велижева, в котором предпринимается попытка применить методологию Кембриджской школы к отечественной истории.

Статьи указанного раздела представляют собой «ряд историографических работ отечественных ученых... которые предлагают свои подходы к изучению общественно-политических языков в России. Большая часть исследований выполнена под прямым методологическим влиянием Кембриджской школы, а часть – реализована с близких теоретических позиций» [2, с. 8–9].

Так, Сергей Польской рассматривает происхождение и становление секулярного рационального дискурса в официальном языке российской власти в XVIII в. (см.: [7]), помещая известные тексты и аргументацию авторов в языковой и понятийный контекст этой эпохи и исследуя употребляемые ими концепты. Он рассматривает два вопроса: во-первых, «каким образом происходит дискурсивное преодоление кризиса легитимности, порожденного насильственными действиями власти в отношении наследника престола»; во-вторых, «как решается проблема принадлежности власти и ее преемственности в рамках политического языка 1720–1760-х годов» [7, с. 414]. Татьяна Борисова рассматривает теорию права на основе расширенного понимания необходимой обороны, выстроенного Анатолием Кони в деле Веры Засулич, а также то, как победа в судебном процессе подобной трактовки способствовала эгалитарному началу в понимании социальной справедливости (см.: [4]). Константин Бугров утверждает, что «при изучении адаптации и развития республиканской политической мысли в России нам следует сделать акцент на понятии добродетели вслед за Пококом, а не свободы вслед за Скиннером» (см.: [5]), и пытается «в самой сжатой форме предложить исторический обзор этого вопроса [5, с. 551].

Екатерина Правилова анализирует заимствование и толкование такого термина, как «собственность», а «также то, чем отличалась их

интерпретация от, например, немецких романтиков-консерваторов, английских либералов и французских физиократов в период царствования Екатерины II» (см.: [8]). Учитывая различные интерпретации, Правилова рассматривает, какую из них имела в виду Екатерина, когда провозгласила нераздельность «собственности и свободы», особо замечая то, «насколько избирательна была Екатерина в выборе моделей для заимствования. Из богатого арсенала политических и социальных концепций собственности она выбрала те, которые, по ее мнению, более всего подходили к российским условиям, и даже эти идеи были подвергнуты существенной переработке и адаптации» [8, с. 485].

Методология Кембриджской школы имеет свое относительно неизменное ядро, опираясь на которое возможно применить кембриджский метод к локальным историческим контекстам, что отечественные исследователи и попытались сделать, адаптируя подход школы. Однако, говоря о релевантности методологии Кембриджской школы в отечественном академическом поле и состоятельности связанных с этим попыток ее «адаптации» и применения в России, необходимо упомянуть важное замечание, с которого начинается статья философа Александр Павлова, посвященная Кембриджской школе истории политической мысли. Автор отмечает, что, несмотря на попытки российских ученых «адаптировать метод» Кембриджской школы интеллектуальной истории, «по определенным причинам это практически невозможно сделать. Особенно очевидным это становится, когда деятельность Кембриджской школы помещается в разные контексты: социогуманитарного и философского знания в Британии 1960-х годов, американской политической теории последней четверти XX века и республиканской социальной философии начала XX века». Среди таких причин Павлов выделяет следующие: «Во-первых, методология кембриджцев претерпела существенные изменения уже в середине 1970-х годов, и, во-вторых, интересы ученых сместились в сферу политической теории либо же в ту область истории, в которой их установки по конкретным причинам неприменимы. Таким образом, продолжение их проекта, как это показано в статье, возможно скорее и в лучшем случае в области современной социальной и политической философии, нежели в европейской политической мысли XV–XVII веков или американской политической мысли XVIII века» [6, с. 261].

Не вдаваясь в вопрос о том, успешна адаптация метода Кембриджской школы или нет, можно заключить, что для отечественной гуманитарной науки это уже заметный шаг, несмотря на то, что многие попытки заимствования западной методологии в отечественной гуманитарной науке не всегда удаются, особенно когда представляют собой желание слепо скопировать методы, не учитывая при этом контекст их разработки и применения. Таким образом, использование междисциплинарного подхода Кембриджской школы к исследованию истории социально-политической философии в России, несомненно, имеет большую ценность. Однако необходимо отделять саму методологию от

исторических исследований кембриджцев, в которых они применяли свой метод, так как исследуемые ими исторические периоды имели иной смысл и культурную специфику, отличную от России, с иным социально-политическим контекстом.

Мы осветили лишь некоторые проблемы состоятельности методологии Кембриджской школы в отношении ее применимости и границы ее применения к истории общественно-политических языков России. Методология Кембриджской школы и вопросы, которые поднимают ее авторы и последователи, на сегодняшний день все еще открыты для обсуждений, и их еще предстоит исследовать, учитывая то, какое важное значение открытия «кембриджских ученых» имеют для истории социально-философского познания в России. Поэтому подход Кембриджской школы интеллектуальной истории остается крайне актуальными для российского исследователя.

Список литературы

1. Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое лит. обозрение, 2018. 632 с.
2. Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое лит. обозрение, 2018. С. 7–50.
3. Атнашев Т., Велижев М. «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков // Новое лит. обозрение. 2015. № 134 (4). С. 21–44.
4. Борисова Т.Ю. «Необходимая оборона общества»: язык суда над Засулич // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев Т., Велижев. М.: Новое лит. обозрение, 2018. С. 522–546.
5. Бугров К.Д. Республика/революция: Гражданская добродетель в политической истории России Засулич // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое лит. обозрение, 2018. С. 547–581.
6. Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 255–295.
7. Польской С.В. «Истязание по натуральной правде»: легитимация насилия и становление рационального политического языка в России XVIII века // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое лит. обозрение, 2018. С. 409–484.
8. Правилова Е.А. «Частная собственность» в языках российского общества конца XVIII — начала XIX века // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое лит. обозрение, 2018. С. 484–499.

9. Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое лит. обозрение, 2018. С. 53–122.
10. Скиннер К. Ответ моим критикам // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое лит. обозрение, 2018. С. 279–280.
11. Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. Т. 2: Эпоха Реформации. 568 с.
12. Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблицер, 2019. 256 с.
13. Hamel Ch. Quentin Skinner, La vérité et l'historien (traduction accompagnée d'une introduction) // Skinner Q. La vérité et l'historien / ed. C. Hamel. Paris: Editions EHESS, 2012. 68 p.
14. Hamilton-Bleakley H. Linguistic philosophy and The Foundations // Rethinking the Foundations of Modern Political Thought / A. Brett and J. Tully (eds.) Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 20–33.
15. Marcotte-Chénard S. Le contextualisme de Quentin Skinner à l'épreuve du cas Machiavel // Methodos 13. 2013. V. 13. P. 360–386.

THE APPLICATION OF THE METHODOLOGY OF THE CAMBRIDGE SCHOOL OF INTELLECTUAL HISTORY IN RESEARCH ON THE HISTORY OF SOCIAL AND PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE

D.E. Kadyrov

Institute of Philosophy, Russian Academy of sciences, Moscow

In this article the author tries to describe the possibilities of the Cambridge school of intellectual history in the study of the role of language in social changes, as well as to reveal the value of the school's approach to social philosophy in Russia. The paper also considers the main approaches of the founders of the Cambridge school – first of all, Quentin Skinner – as well as the possibility of «adapting» their methodology to research in the field of the history of social and philosophical knowledge, in particular the study of the history of political ideas in Russia.

Keywords: *history of social and philosophical knowledge; language; social philosophy; social change; Cambridge school.*

Об авторе:

КАДЫРОВ Дауд Эсенбаевич – аспирант, сектор социальной философии, ФГБУН Институт философии РАН, Москва. E-mail: daudkades@yandex.ru

Author information:

KADYROV Daud Esenbaevich – PhD Student, Social Philosophy Department, Institute of Philosophy, Russian Academy of sciences, Moscow. E-mail: daudkades@yandex.ru